Ilmiy tadqiqotlar va ularning yechimlari jurnali
Aoka guvohnoma № 323759 ISSN: 3060-4818

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ЭНЕРГООБЪЕКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ибодуллаева Раъно Алишеровна
магистрант Ташкентского государственного юридического университета
ranoibodullaeva3@gmail.com
(91)190-24-04
Doi: https://doi.org/10.5281/zenodo.20499449

Аннотация: Ushbu maqolada O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi doirasida energiya ob'ektlarini modernizatsiya qilishga doir investitsiya shartnomasining huquqiy tabiati o'rganiladi. Germaniya, Fransiya va AQSh tajribasini qiyosiy-huquqiy tahlil qilish asosida mazkur shartnomaning aralash (kompleks) huquqiy tabiatga ega ekanligi asoslanadi. Amaldagi qonunchilikning asosiy kamchiliklari aniqlanib, de lege ferenda takliflari shakllantiriladi.
Kalit so'zlar: investitsiya shartnomasi, energiya ob'ektlari, huquqiy tabiat, modernizatsiya, qiyosiy huquq, tarif tartibga solish, stabilizatsiya shartnomasi, davlat kafolatlari, aralash shartnoma, energetika huquqi.

Аннотация: В статье исследуется правовая природа инвестиционного договора на модернизацию энергообъектов по законодательству Республики Узбекистан. На основе сравнительно-правового анализа опыта Германии, Франции и США обосновывается вывод о смешанной (комплексной) природе данного договора, сочетающего частноправовую основу с публично-правовыми элементами. Выявляются ключевые пробелы действующего законодательства и формулируются предложения de lege ferenda.
Ключевые слова: инвестиционный договор, энергообъекты, правовая природа, модернизация, сравнительное право, тарифное регулирование, стабилизационная оговорка, государственные гарантии, смешанный договор, энергетическое право.

Abstract: This article examines the legal nature of the investment agreement for the modernization of energy facilities under the legislation of the Republic of Uzbekistan. Through a comparative legal analysis of the experience of Germany, France and the United States, the article substantiates the conclusion that this agreement possesses a mixed (complex) legal nature, combining a private law foundation with public law elements. Key gaps in the current legislation are identified and proposals de lege ferenda are formulated.
Keywords: investment agreement, energy facilities, legal nature, modernization, comparative law, tariff regulation, stabilization clause, state guarantees, mixed contract, energy law.

Введение.

Энергетический сектор является одним из ключевых стратегических приоритетов государственной политики Республики Узбекистан. В условиях масштабной модернизации энергетической инфраструктуры особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности, центральным элементом которого выступает инвестиционный договор.

Правовая природа инвестиционного договора на модернизацию энергообъектов остаётся дискуссионным вопросом в отечественной доктрине. Неопределённость в его квалификации

порождает коллизии норм, пробелы в регулировании и правовую незащищённость инвесторов, что сдерживает приток инвестиций в отрасль[1].

Целью статьи является определение правовой природы данного договора на основе анализа законодательства Республики Узбекистан и сравнительно-правового исследования опыта Германии, Франции и США. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна состоит в комплексном сравнительно-правовом анализе указанной договорной конструкции в контексте действующего законодательства Узбекистана.

1. Понятие и признаки инвестиционного договора на модернизацию энергообъектов.

Закон Республики Узбекистан № 598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» от 25 декабря 2019 года[2] закрепил обновлённую концептуальную основу для привлечения инвестиций, однако не содержит легального определения инвестиционного договора как самостоятельного вида договора. В доктрине, в том числе по мнению Лисицина, под ним понимается соглашение, по которому инвестор обязуется вложить ресурсы в определённый объект, а другая сторона обязуется создать условия для инвестирования и обеспечить возврат вложений с прибылью[3].

По мнению Майфата, инвестиционный договор на модернизацию энергообъектов характеризуется следующими признаками, отличающими его от смежных конструкций (договора концессии, подряда либо договора ГЧП)[4]:

• целевой характер (достижение конкретного технического результата); • рисковый характер;

• возмездность и долгосрочность;

• участие публичного субъекта (АО «Узбекэнерго», Министерство энергетики); наличие системы законодательных инвестиционных гарантий.

2. Правовая природа договора.

В науке сложились три подхода к правовой природе инвестиционного договора в энергетике.

Гражданско-правовой подход рассматривает его как разновидность гражданскоправового договора, основанного на равенстве сторон и свободе договора в соответствии со статьей 354 Гражданского кодекса РУз[5]. По мнениям Брагинского и Витрянского, участие государственного органа на стороне получателя инвестиций само по себе не меняет частноправовой природы отношений[6].

Публично-правовой подход квалифицирует договор как административный, поскольку государство преследует публичный интерес по обеспечению энергетической безопасности, где энергообъекты отнесены к стратегическим объектам. Вместе с тем, согласно Белицкой, признание договора административным существенно ослабляет правовую защиту инвестора[7].

---

[1] Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 66–78.

[2] Закон Республики Узбекистан №598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» от 25.12.2019г., URL: https://lex.uz/ru/docs/4664144

[3] Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. — Новосибирск: НГУ, 2011. — 467 с.

[4] Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 328 с.

[5] Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 01.03.1997г., URL: https://lex.uz/docs/111181

[6] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2001. — 848 с.

[7] Белицкая А.В. Правовое регулирование государственно-частного партнёрства. — М.: Статут, 2012. — 191 с.

Концепция смешанного (комплексного) договора, представляющаяся наиболее обоснованной, рассматривает данный договор как конструкцию, сочетающую частноправовую основу с публично-правовым пластом с тарифным регулированием, государственными гарантиями, лицензионными требованиями, что описывалось и рассматривалось Дорониной и Семилютиной[8]. Применительно к праву Узбекистана данная концепция подтверждается системным толкованием Закона РУз №598 «Об инвестициях и

инвестиционной деятельности» от 25.12.2019г.[9], Закона РУз №939 «Об электроэнергетике» от 07.08.2024г.[10] и Гражданским кодексом РУз.

3. Специфика инвестиционного договора применительно к энергообъектам Узбекистана.

Энергообъекты в Республике Узбекистан обладают особым правовым режимом. Согласно статье 83 Гражданского кодекса РУз, они относятся к недвижимому имуществу, по которому могут составлять единый имущественный комплекс и относятся к стратегическим объектам повышенной социальной значимости. Значительная их часть закреплена за АО «Узбекэнерго», что порождает специфическую ситуацию, где инвестор вкладывает средства в не принадлежащие ему объект, при этом существует требование надлежащего оформления его прав на инвестированные улучшения[11].

Предмет договора имеет двойственную структуру, которая подразделена на инвестиционную деятельность и конкретный технический результат модернизации. Ключевой особенностью является тарифный механизм возврата инвестиций, по которому тариф устанавливается государственным регулятором и не может быть изменён по воле сторон, что создаёт существенный регуляторный риск и предопределяет значимость стабилизационных оговорок[12].

4. Сравнительно-правовой анализ: Германия, Франция, США.

Правовую основу составляет Германии Закон об энергетическом хозяйстве (Energiewirtschaftsgesetz, EnWG, 2005). Центральный инструмент — концессионный договор (Konzessionsvertrag, § 46 EnWG), квалифицируемый как договор публичного права с широким использованием частноправовых инструментов. Федеральное сетевое агентство (Bundesnetzagentur) применяет метод стимулирующего тарифного регулирования: инвестиционные затраты включаются в тарифные базы, гарантируя их доходность через тариф[13].

Во Франции доминирует публично-правовая традиция: договор концессии публичной службы регулируется нормами административного права. Концедент рассчитывается в одностороннем порядке, изменяя условия концессии в публичных формах при устойчивой выплате справедливой доходности инвестору — так называемый принцип «действия власти».

---

[8] Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Международное частное право и инвестиции. — М.: ИЗиСП; Контракт, 2012. — 272 с.

[9] Закон Республики Узбекистан №598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» от 25.12.2019г., URL: https://lex.uz/ru/docs/4664144

[10] Закон Республики Узбекистан №939 «Об электроэнергетике» от 07.08.2024 г., URL: https://www.lex.uz/ru/docs/7051594

[11] Варнавский В.Г. Партнёрство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. — М.: Наука, 2005. — 315 с.

[12] Конопляник А.А. Стабилизационные оговорки в нефтегазовых контрактах: теория и практика // Нефть, газ и право. — 2004. — № 3. — С. 14–28.

[13] Säcker F.J. (Hrsg.) Berliner Kommentar zum Energierecht. — Frankfurt am Main: Recht und Wirtschaft, 2014. — 2400 S.

Закон о новой организации электроэнергетического рынка (loi NOME, 2010) открыл рынок для глобальной остановки[14].

В США основным применяется договор о покупке электроэнергии (Соглашение о покупке электроэнергии, PPA) — долгосрочный гражданско-правовой договор между производителем и покупателем электроэнергии. Правовую основу заложил Закон о политике в области регулирования коммунальных услуг. Государство минимально

ограничивает договорные условия, стороны свободны в согласовании цен и распределении рисков[15].

Сравнительный анализ обеспечения универсальности результатов комплексной природы договоров в энергетике. Для Узбекистана наиболее актуальны: германская модель стимулирующего тарифного регулирования; французский механизм при одностороннем обеспечении условий заключения договора; Договор о покупке электроэнергии по американской модели — как ориентир для сектора возобновляемой энергетики.

5. Проблемы правового регулирования и предложения.

Отсутствие легального определения инвестиционного договора порождает правовую неопределённость при квалификации. Предлагается дополнить Закон об инвестициях специальной статьёй о понятии, признаках и существенных условиях инвестиционного договора — по образцу Закона Республики Казахстан «Об инвестициях»[16].

Коллизия норм гражданского и энергетического законодательства. Принцип свободы договора (ст. 354 ГК РУз) вступает в противоречие с императивными требованиями тарифного регулирования. Предлагается закрепить в Законе «Об электроэнергетике» норму о соотношении публично- и частноправовых элементов договора[17].

Недостаточная регламентация стабилизационных оговорок. Предлагается законодательно закрепить их допустимость в части тарифных условий с одновременным установлением обязанности государства компенсировать инвестору убытки при изменении существенных условий договора в публичных интересах[18].

Фрагментация государственного регулирования. Пересечение полномочий Министерства энергетики, Агентства по регулированию ТЭК и Министерства инвестиций создаёт административные коллизии. Целесообразно создание единого регулятора по образцу германской Bundesnetzagentur[19].

Непоследовательность судебной практики. Необходимо принятие руководящих разъяснений Верховного суда Республики Узбекистан о квалификации инвестиционных договоров и применимых правовых нормах.

Заключение.

Во-первых, инвестиционный договор на модернизацию энергообъектов обладает комплексной правовой природой, сочетая частноправовую основу с публично-правовыми элементами. Ни гражданско-правовая, ни публично-правовая концепции в отдельности не способны полноценно описать данную договорную конструкцию.

---

[14] Richer L. Droit des contrats administratifs. — Paris: LGDJ, 2012. — 784 p.

[15] Hobér K. Investment Arbitration in Eastern Europe. — Juris Publishing, 2007. — 386 p.

[16] Худайбергенов Г.Н. Инвестиционное законодательство государств Центральной Азии: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 4. — С. 112– 118.

[17] Сосна С.А. Концессионное соглашение — новый вид договора в российском праве // Журнал российского права. — 2003. — № 2. — С. 14–24.

[18] Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. — М.: Проспект, 2010. — 416 с. [19] Säcker F.J. (Hrsg.) Berliner Kommentar zum Energierecht. — Frankfurt am Main: Recht und Wirtschaft, 2014. — 2400 S.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ подтверждает универсальность данного вывода: германская, французская и американская модели при всём различии правовых традиций также исходят из сочетания частных и публичных элементов в договорном регулировании инвестиций в энергетику.

В-третьих, действующее законодательство Республики Узбекистан содержит существенные пробелы, устранение которых требует: закрепления легального определения инвестиционного договора, регламентации стабилизационных оговорок, устранения коллизий между гражданским и энергетическим законодательством, создания единого регулятора инвестиционной деятельности в энергетике. Реализация предложенных мер

позволит сформировать предсказуемую правовую среду для привлечения инвестиций в модернизацию энергетической инфраструктуры Узбекистана.

Список использованных источников.

Научная литература:

1. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 66–78.
2. Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. — Новосибирск: НГУ, 2011. — 467 с.
3. Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 328 с.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2001. — 848 с.
5. Белицкая А.В. Правовое регулирование государственно-частного партнёрства. — М.: Статут, 2012. — 191 с.
6. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Международное частное право и инвестиции. — М.: ИЗиСП; Контракт, 2012. — 272 с.
7. Варнавский В.Г. Партнёрство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. — М.: Наука, 2005. — 315 с.
8. Конопляник А.А. Стабилизационные оговорки в нефтегазовых контрактах: теория и практика // Нефть, газ и право. — 2004. — № 3. — С. 14–28.
9. Säcker F.J. (Hrsg.) Berliner Kommentar zum Energierecht. — Frankfurt am Main: Recht und Wirtschaft, 2014. — 2400 S.
10. Richer L. Droit des contrats administratifs. — Paris: LGDJ, 2012. — 784 p.
11. Hobér K. Investment Arbitration in Eastern Europe. — Juris Publishing, 2007. — 386 p.
12. Худайбергенов Г.Н. Инвестиционное законодательство государств Центральной Азии: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 4. — С. 112–118.
13. Сосна С.А. Концессионное соглашение — новый вид договора в российском праве // Журнал российского права. — 2003. — № 2. — С. 14–24.
14. Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. — М.: Проспект, 2010. — 416 с.

Нормативно-правовая база:

1. Закон Республики Узбекистан №598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» от 25.12.2019г.// Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, URL: https://lex.uz/ru/docs/4664144.
2. Закон Республики Узбекистан №939 «Об электроэнергетике» от 07.08.2024 г.// Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан URL: https://www.lex.uz/ru/docs/7051594.